

Александр ВАМПИЛОВ

НОВОГОДНИЙ ФЕЛЬЕТОН

МАСКАРАД

Творческое наследие драматурга Александра Валентиновича Вампилова включает пять многоактных пьес, одну одноактную и неоконченный водевиль, десятки очерков и фельетонов в газетной периодике. Многие из них собраны в посмертных сборниках, изданных в Москве и Иркутске. Так в наиболее полном томе «Дом окнами в поле» ранний Вампилов представлен почти полностью. Но кое-какие произведения, опубликованные в иркутской комсомольской газете «Советская молодежь», где начиналась журналистская деятельность драматурга, оказались вне поля зрения составителей сборников. К ним относится и фельетон «Маскарад», опубликованный 1 января 1964 года, когда газета еще выходила малыми форматами и тиражом. Фельетон подписан псевдонимом С. Хомутовский, который в отличие от А. Санина Вампилов использовал весьма редко. Свою первую книгу «Стечение обстоятельств» А. Вампилов иногда шуточно подписывал «Санин-Хомутовский». Кстати, один из героев «Провинциальных анекдотов» — Хомутов...

Думается, что фельетон «Маскарад» представит интерес для читателя и спустя почти два десятилетия после его появления на газетных страницах.

В. ИВАШКОВСКИЙ,
наш соб. корр.

ИРКУТСК.

Удивительные вещи происходят на земле. За весной приходит лето, за летом — осень, за осенью — зима. Пора бы, кажется, к этому привыкнуть, но привыкнуть к этому невозможно. Зима сменяется весной, и трудно найти человека, которому бы это надоело.

Прекрасная вещь — воспоминания, но наше сердце всегда принадлежит будущему. Чем мы занимаемся во время, свободное от работы, сна и развлечений?

Мы ждем весну.
Мы ждем лето.
Мы ждем осень.
Мы ждем зиму.

Мы ждем весну. Уже сейчас, в январе. Мы ждем. И от нетерпения бегаем на лыжах. Скорей бы март, твердим мы, скорей бы апрель. Скорей бы ручьи, скорей бы цветы. Скорей бы троллейбус, скорей бы трамвай. Скорей, скорей, скорей...

— Куда? — спросил меня знакомый Мефистофель. — Ку-

да вы так торопитесь? К склерозу? К ревматизму? К гипертонии?

— Пройдите, — ответил я ему, — пройдите. О гипертонии я не думаю. Думайте о ней вы — вам тысяча лет.

И я отправил Мефистофеля к его бедным родственникам. Мефистофель был без хвоста, в модном костюме, и он обиделся. Наш разговор состоялся среди шумного университетского бала.

Была самая беззаботная ночь в году, та ночь, в которую сталкиваются прошлое и будущее и мы почти не чувствуем настоящего. Именно здесь, среди воспоминаний и прогнозов, в дыму конфетти и серпантина, в чаду тостов и вальсов, происходят иногда вещи уже совершенно удивительные.

Был порядок на балу. Никто не безобразничал и не собирался безобразничать. Не было злых и глупых шуток, потеряла шла без жульничества, играя впочту, не читали чужих

писем, замаскированному начальству не лестили, в буфете никто не скупился и т. д. На балу заниматься такими вещами было некому.

И тут произошло чудо. Чудеса всегда происходят там, где все идет слишком нормально. Произошли самое безалаберное смещение времен и большая неразбериха.

Дело в том, что на университетский бал пожаловали вдруг Ноздрев, Коробочка, Манилов, Собакевич и Павел Иванович Чичиков. Выглядели они отлично. Это были ожившие портреты художника Боклевского. Их встретили аплодисментами.

Кто бы мог подумать, что вся эта компания не переодетые студенты, а живые гоголевские герои! Никто так не подумал. Никто об этом так и не догадался.

А это были они. Натуральные. Живые. Здоровые. Особенно Ноздрев.

— Что за вздор? — спросил меня строгий читатель. — Ноздрев и Чичиков. В канун 1964 года! В университете! С какой стати? Каким образом?

А очень просто. Они воскресли. Воскресли из мертвых. Именно в «канун». Потому что пожелай они явиться в другой день, им пришлось бы переодеться.

Итак, сначала они всех развеселили.

Но уже через минуту Ноздрев врезался в группу танцующих и заговорил:

— Милостивый государь, меня ваша личность не устраивает...

Коробочка, напуганная ярким светом, быстрыми танцами

и смелыми туалетами, никак не могла понять, куда она попала. Она остановилась у дверей — никто не мог ни войти, ни выйти. Павел Иванович Чичиков сориентировался, разумеется, прекрасно.

— Дорогой мой, — говорил он, мягко притрагиваясь к лацкану охотничьего пиджака. — Согласитесь, что далеко не все ваши подопечные развлеклись на работу по назначению... Я смею затруднить вас просьбой весьма деликатнейшего свойства: уступите мне имена ваших питомцев. Только имена. Вам они не нужны...

В одной из аудиторий, взбравшись на кафедру, разглагольствовал восторженный Манилов.

— Хорошо бы, — говорил этот фантаст, — в вашем городе пустить троллейбус, а на завод-

ские трубы поставить дымоуловители.

Жюри маскарада уже ломало голову над тем, кому из них выдать премию за лучший костюм. Но никто не знал, что имеют дело с подлинниками.

В это время из буфета раздался треск и старомодные ругательства. Собакевич, не обнаруживши в буфете бараньего бока с кашей, закатил могучий скандал. Ему мгновенно выдали первую премию. Но этот боров не успокоился, пока не переломал несколько столов. Тогда премию отобрали, а грубого помещика скрутили проволокой.

Ноздрев, которого здесь приняли за геолога, вернувшегося из тайги, совсем расхулиганился. Он играл в потерю. Ему не везло. Тогда он плюнул и ни с того ни с сего взял из потерей бутылку шам-

панского. Никто не успел открыть рта, как он откупорил бутылку и высадил ее через гоулышко. Потом он повторил свой номер на губернаторском балу, т. е. сел на пол и хватал за ноги походящих девушек.

Собакевича и Ноздрева дружинники удалили с вечера. Манилов договорился до воздушного замка и моста через оеку Ушакову. Это было уже слишком. Его не стали слушать, и он подался, мечтательно улыбаясь. Павел Иванович не получил ни одной мертвой души, потому что в этом университете все специалисты разъезжались по назначениям. Многие находили, что студентка, наоядывшаяся Коробочкой, перестаралась: она так и не сдвинулась с места. Оказалось, что она просто застряла в двери. Ей посоветовали заняться спортом и питаться в столовой

фининститута. Она ничего не поняла, но питаться в столовой отказалась, и галантный Чичиков, поддерживая Коробочку за руку, повел ее к выходу. Дверь за ними прикрыли.

Плюшкин — тот вообще не появлялся. Все это время он собирал металлолом в университетском дворе. Старый крохобор нашарил там целый трактор.

Вот такая неприятность произошла в университете из-за такого беспринципного смещения времени. А дальше все пошло хорошо. Бал продолжался без хамов, без пьяниц. Без тупости, без лицемерия, без вранья.

Студенты призадумались. А подумавши, они решили: впредь у входа рассматривать маски пристально и с пристрастием. Чтобы в другой раз не пустить на наш праздник в волчьем костюме волка, локвого хамелеона или алкоголика, прикидывающегося алкоголиком.

Свяжем Ноздрева, скрутим Собакевича. Не будем терять на них время, свободное от работы, сна и развлечений. Будем ждать весну. Это прекрасное занятие. Скорей бы март, скорей бы апрель. Скорей бы троллейбус, скорей бы трамвай.

На балу я снова столкнулся с Мефистофелем. Он сказал: — А ведь это были студенты. Переодетые студенты.

— Пройдите, — сказал ему я, — во всем вы видите самое плохое. Это было недоразумение, беспринципное смещение времени. Считайте, что это вам пришлось. Все идет своим чередом. Все хорошо. Скоро придет весна. Может быть, вы и в это не верите?

Пройдет январь, мелькнет февраль. А там — через ручьи, по рыжим полянам — придет весна. А нет ничего удивительнее этого.

Рисунок В. Розанцева.